

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ У. ДЖ. БРАЙАНА: ОТ СИЛОВОГО РЕАЛИЗМА К МИРНОМУ УРЕГУЛИРОВАНИЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

Аннотация. Рассматривается эволюция внешнеполитических взглядов американского политического деятеля У. Дж. Брайана, который, возглавив антиимпериалистическое движение на рубеже XIX–XX вв., разработал механизм реализации принципа мирного разрешения конфликтов в форме международного третейского разбирательства. Его идеи «охлаждающего» арбитража были реализованы в двусторонних «договорах примирения», заключенных США в 1913 г. с 30 государствами, а также учтены при создании Версальской системы, провозгласившей возможность решения международных конфликтов мирными средствами на столь высоком уровне.

Ключевые слова: супердержава, глобальное лидерство, экспансионизм, гегемония в мировой политике, мессианское предназначение, принцип мирного разрешения международных споров, всеобщее разоружение, арбитраж.

Abstract. This article deals with the evolution of the foreign policy views of the U. S. political leader W. J. Bryan who, headed anti-imperialistic movement of the XIX–XX centuries, developed the mechanism to implement a principle of the peaceful settlement of the disputes in the form of the international arbitration. His ideas of «cooling-off» arbitration have been realised in the bilateral «conciliation treaties» concluded by the USA in 1913 with 30 states and considered at the creation of the Versailles system, proclaiming the possibility of solving international conflicts by peaceful means at so high level.

Keywords: superpower, global leadership, expansionism, hegemony in world politics, messianic destiny, the principle of peaceful settlement of international disputes, universal disarmament, arbitration.

США вступили в XXI столетие в статусе единственной супердержавы, имеющей свои зоны влияния по всему земному шару. Американские интересы учитываются в разрешении любого вооруженного конфликта, и с ними, в той или иной степени, вынуждены считаться все государства, являющиеся активными игроками на мировой политической арене. Но так было далеко не всегда. США вступили на путь интервенционизма только после испано-американской войны 1898 г., когда, исчерпав возможности внутренней колонизации, они впервые вышли за границы континента и начали борьбу за передел мира. Именно тогда к ним отошли заокеанские владения Испании – Филиппины, Куба, Гуам и Пуэрто-Рико, а также выкупленные у Великобритании права на часть архипелага Самоа.

Формирование новых внешнеполитических ориентиров вызвало оживленную дискуссию в американском обществе, которое в целом одобряло историческую миссию Америки в распространении идеалов демократии во всех частях света, но расходилось относительно способов ее осуществления [1]. Многие американцы не желали мириться с присвоением чужих территорий, ведением войны ради «завоевательной мании». Исповедуемые ими идеалы свободы и национального суверенитета были несовместимы с позицией силы,

к которой все чаще прибегал Белый дом. Выступая под лозунгами изоляционизма и пацифизма, они апеллировали к идее невмешательства в дела других народов и предлагали положиться на силу собственного примера, а не фактор силы.

Поиск альтернативы внешнеполитическому курсу правящих кругов со временем охватил широкий спектр социальных сил (мелкую и среднюю буржуазию, интеллигенцию, рабочих и фермеров), составивших движение так называемых «антиимпериалистов», рассматривавших создание собственной колониальной империи в качестве «отклонения» от правильного пути, завещанного «отцами-основателями» [2, 3]. Призывы демократически настроенной общественности к всеобщему миру, ограничению вооружений и запрету войн заложили особую культурно-цивилизационную традицию, которая крепла и развивалась на протяжении всего XX столетия. В ее основе – важность преобразования миропорядка, построенного с применением силы, в мир, покоящийся на законах права и морали. В этом контексте принципы ненасилия в политике, сформулированные американским государственным деятелем У. Дж. Брайном (1860–1925), занимают особое место в истории дипломатии. Изучение его личного вклада в разработку и осуществление внешнеполитического курса США имеет исключительную важность не только для определения общего и особенного в миротворческом опыте XX в., но и норм международного гуманитарного права в период вооруженных конфликтов.

Фигура Брайана одна из самых многогранных и неординарных в американской истории. Совершив головокружительную карьеру от «мальчика-оратора» до признанного лидера демократической партии, он за несколько лет прошел путь от малоизвестного конгрессмена из штата Небраска до вершины политического олимпа. Его эмоциональные призывы в защиту простого труженика от посягательств «плутократии», а также инициирование важных законов (прогрессивного подоходного налога, прямых выборов сенаторов, предоставления женщинам права голоса и др.) сделали имя провинциального политика известным во всей Америке. Все это позволило ему трижды (в 1896, 1900 и 1908 гг.) избираться кандидатом от демократической партии на пост президента страны, а с 1913 по 1915 г. занимать должность государственного секретаря в администрации В. Вильсона.

Брайан был сложным и неординарным человеком, личность которого всегда вызывала неоднозначные оценки. С самого начала его появления на политической арене мнения современников о нем резко разошлись. Поклонников пленял «удивительный магнетизм» и «глубокая искренность» политика. Для них он был «благочестивым героем», «мстителем из прерий», «борцом за праведность и справедливость», «апостолом мира» [4–6]. В изображении других он выступал «анархистом» и «возбудителем самых низких инстинктов толпы» [7, 8].

Единая точка зрения отсутствовала и у специалистов, занимающихся изучением деятельности Брайана. В отечественной литературе о нем сложилось сугубо негативное впечатление. Его называли «великим демагогом», «ура-патриотом», «до костей мозга буржуазным политиканом, легко расстававшимся, по обычаям американской политической жизни, с принципами и убеждениями» [9, 10]. В американской исторической науке Брайан, напротив, пользовался особым уважением ученых, которых восхищала его «страстная убежденность, смелость, дерзость, подлинная вера в простых людей и про-

цесс демократии» [11]. Однако если отбросить в сторону субъективизм тех или иных авторских оценок, то в глаза бросается одна весьма характерная деталь: в любой интерпретации Брайан выступал в качестве «продукта старой Америки», «порождения уникальной и могущественной культуры». По общему мнению исследователей, он был «творением», а не творцом окружающей среды [12–23]. Не случайно большинство выдвинутых им идей не были плодом собственных размышлений, а являлись общим достоянием демократической мысли рубежа XIX–XX вв.

Для того чтобы разобраться и понять, что это был за человек, постараемся вникнуть в его представления о перспективах развития американской нации. Сделать это довольно легко: Брайан считался одним из самых блестящих ораторов своего времени, свидетельство чему – его богатое литературное наследие.

Начнем с того, что это был человек из глубинки, чрезвычайно набожный и помышлявший в юности на поприще священника. Подобные духовные устои во многом объясняют его глубокое убеждение в том, что прочность цивилизации зависит от господствующей в обществе морали, которая, в свою очередь, покоится на религии. Не случайно известная триада прав человека «на жизнь, свободу и стремление к счастью», сформулированная в Декларации независимости США 1776 г., была дополнена им правом на «культ бога в соответствии с велением совести» [24]. Религиозный по природе и воспитанию Брайан обладал сложным мировоззрением, в котором причудливо переплетались сильная демократическая струя и напряженный нравственно этический максимализм. По складу мышления его вряд ли можно было назвать мыслителем-логиком. Напротив, он являлся чрезвычайно эмоциональной и впечатлительной личностью: его чувства нередко довели над разумом, а поступки определялись эмоциями и переживаниями. Обладая горячим темпераментом, Брайан чаще всего следовал зову «демократии сердца», а не прагматическому расчету.

В своем мироощущении Брайан оставался последовательным идеалистом, не принявшим модного увлечения современников эволюционной теорией Ч. Дарвина. Материализм, по его убеждению, не мог рассматриваться в качестве основы для объяснения человеческого бытия. «Прогресс общества измеряется не столько открытием новых принципов, сколько более правильным применением старых», – доказывал он [17, с. 32]. Восприятие им реальной картины мира по многим параметрам соответствовало идеалам социального христианства, согласно которому духовность людей считалась воплощением нравственного закона «бытия души» [25]. Стремясь перестроить окружающий мир по собственному рецепту, Брайан апеллировал к библейским заветам, которые были для него неисчерпаемым кладом мудрости [26]. Только «облагораживание» морали могло стать, с его точки зрения, единственным путем, ведущим к идеальному мировому порядку, в котором царили справедливость и братство в духе Христовом.

Веря в торжество высоких идеалов, Брайан стремился донести до человечества открывшуюся истину в качестве модели будущего мироустройства. По его мнению, американское общество должно было стать образцом для подражания, «высшим моральным фактором в мировом прогрессе и общепризнанным арбитром в международных делах» [27]. Рассматривая историческую миссию Америки сквозь призму протестантской убежденности в благо-

стности ее действий для всего человечества, Брайан, по существу, обосновывал претензии США на гегемонию в мировой политике. Он был убежден, что его стране как «сияющему граду на вершине холма» суждено занять исключительное место среди государств не столько благодаря экономическому могуществу, сколько из-за присущих американцам высоких морально-этических качеств. Смысл уготованного им предназначения – распространять идеалы свободы и, подобно библейскому Моисею, превращать землю в «райский сад». В выступлениях политика особо выделялась мысль о долге США вести за собой весь мир, играть главенствующую роль в планах божественного провидения, стать орудием совершенствования цивилизации в руках всевышнего [28, 29].

Американская экспансия соотносилась им с прогрессивным развитием человечества, при этом Брайан никогда не задавался вопросом о том, нужно ли другим суверенным народам перенимать «передовой» опыт чужой страны, согласны ли они с его трактовкой пути наилучшего развития. Глубокая вера в американскую исключительность не допускала появления у политика даже мысли о возможности неприятия кем-либо системы сформулированных им духовных ценностей [30]. Таким образом, религиозно-протестантский мессианизм, преподносимый Брайаном в духе овечьей веками легенды об особом предназначении Америки, объективно содействовал материализации имперских амбиций правящей верхушки.

Отстаивая активную роль США в международных делах, Брайан, тем не менее, расходился с идеологами интервенционизма в определении путей достижения мирового господства. Отвергая методы насильственной экспансии, он приветствовал мирное присоединение земель к территории республики, как это имело место в 1803 г. при покупке Луизианы у Франции или в 1867 г. при приобретении Аляски у России. Считая республиканскую форму организации власти несовместимой с военно-силовыми методами решения международных конфликтов, он любил повторять слова основателя американского государства Т. Джефферсона о том, что «завоевание не входит в наши принципы; оно противоречит нашей форме правления» [31]. Политик не находил оправдания идеям о порабощении покоренных народов ни в Библии, ни в основополагающих документах нации, в которых осуждался захват чужих территорий и посягательство на их суверенитет.

Антипатия к насилию, вытекающая из главных христианских заповедей «не убий» и «возлюби ближнего своего», сформировалась в характере Брайана достаточно рано. Еще в 19-летнем возрасте он резко осудил «бряцанье оружием, сверкающую сталь и кровавое поле боя» [27, с. 383]. Всю оставшуюся жизнь он молился о «приближении времени, указанного в Священном писании, когда мечи перекуются на орала, а копья – на серпы» [32]. Нравственно-этические понятия о войне как о зле и пороке не позволяли ему поддерживать планы правящей элиты о насильственном переделе мира. Военно-силовая стратегия управления миром была выгодна, с его точки зрения, только американской плутократии, а удел рабочих и фермеров – нести «материальные расходы без возмещения и подвергать риску собственные жизни без вознаграждения» [33]. Именно поэтому основу поведения США на мировой арене должны определять легитимность, «мягкая сила» и принятие политических решений, разрабатываемых на многосторонней основе. Применение военно-силовых методов не допускалось.

Подвергая сомнению законное право республики создавать зависимые («вассальные») режимы, Брайан считал колониализм преступлением против человечества. Вот почему он приветствовал восстание кубинцев против монархической Испании и подчеркивал национально-освободительный характер их борьбы. Охваченный патриотическим порывом, политик в июле 1898 г. ушел добровольцем в армию. Ему было доверено командование шестым экспедиционным корпусом волонтеров из родного штата Небраска, которые, по его словам, «добровольно поступили на военную службу, чтобы покончить с испанским игом». Брайан был уверен, что история обязана оправдать освободительную миссию американцев, поспешивших с оружием в руках на помощь борющимся за свою независимость повстанцам. «Человеколюбие требует от нас действий», – утверждал он [34]. Более того, ради достижения «праведной цели» им допускалось применение, в исключительных случаях, даже вооруженной силы. «До тех пор пока справедливость не восторжествует в каждой стране, а любовь не воцарится в каждом сердце, – доказывал Брайан, – правительство может, в качестве последнего шага, прибегнуть к насилью» [35].

Однако бороться за освобождение покоренных народов во имя абстрактной свободы было относительно легко. Более сложная задача встала перед Брайаном после поражения Испании в войне. Ему предстояло выработать позицию в отношении судьбы ее колоний, крупнейшей из которых были Филиппины. Подписанный в Париже мирный договор с поверженной монархией в декабре 1898 г. передавал испанские колонии в руки США, но вопрос о том, что с ними делать дальше, оставался открытым. Брайан попал в сложное положение. С одной стороны, он был сторонником мира «любой ценой», но, с другой, выступал против собственной колониальной империи. Возникшую перед собой дилемму он трактовал следующим образом: надо ли США создавать по образу и подобию «великих держав» систему насильственно удерживаемых владений или можно пойти иным путем и постараться сделать так, чтобы бывшие испанские колонии как можно скорее вкусили плоды американской демократии [36].

Брайану потребовалась не одна бессонная ночь, чтобы найти «легкое, честное и достойное решение» этой сложной проблемы. После долгих раздумий он пришел к мысли о необходимости руководствоваться «политической целесообразностью». Ратификация конгрессом Парижского договора должна была стать, по его мнению, началом в поэтапном определении статуса бывших колоний (сначала их отторжение от метрополии и только затем – предоставление независимости) [37]. «Я был среди тех, – писал Брайан, – кто осознал, что лучше ратифицировать договор и покончить с войной... с тем, чтобы после всего этого предоставить филиппинцам независимость» [35]. Сбросив военное обмундирование, он поспешил в Вашингтон, где готовилось утверждение федеральным собранием международного договора. Позиции антиимпериалистов в конгрессе были достаточно прочными: по предварительным расчетам их голоса могли с большим перевесом блокировать ратификацию мира с Испанией. Именно тогда в политическую борьбу и включился Брайан, под давлением которого ряд сенаторов, стоявших на антивоенных позициях, был вынужден поддержать официальный курс правительства [38]. В действиях руководителя парламентской оппозиции присутствовало известное противоречие: осудив захват чужих территорий, он одновременно

содействовал претворению в жизнь агрессивных замыслов правящей элиты. Не случайно многочисленные карикатуры тех лет изображали его болтуном и демагогом, а современники сравнивали с трусливым львом из сказки Л. Ф. Баума о стране Оз, в которой персонажам явно не хватало храбрости для смелых поступков [39, 40].

Американские исследователи сходятся на том, что Брайан как лидер оппозиционной партии был в состоянии предотвратить ратификацию Парижского договора, но он этого умышленно не сделал [41]. Конечно, сейчас трудно определить истинные мотивы, которыми руководствовался «апостол мира» при принятии столь уязвимого решения. Вполне вероятно, что занятая им позиция определялась, если следовать его внутренней логике размышлений, желанием скорейшего заключения мира. Вполне допустима и излишняя доверчивость политика в отношении обещаний, данных президентом У. Маккинли об установлении в колониях «стабильного правления» с последующей передачей органов власти в руки местного населения. Показательно, что внесенный одним из его соратников законопроект об отказе США от «постоянного суверенитета» над относительно недавно приобретенными владениями был отклонен сенатом, санкционировавшим тем самым их фактическую аннексию.

Сам Брайан считал, что дело о предоставлении независимости испанским колониям полностью не проиграно. Антиимпериализм стал одним из его главных козырей в ходе избирательной кампании 1900 г., в которой он выступал в качестве официального кандидата демократической партии на пост президента. В политический лексикон его усилиями были внесены многие идеи антиимпериалистов. Интервенционистский курс республиканской администрации У. Маккинли, делавшей упор на военно-силовые методы, был осужден, а особой похвалы заслужила «экспансия, осуществляемая с помощью мирных и законных средств», из которых наибольшее предпочтение отдавалось силе «высоконравственного и благородного примера». Платформа демократической партии определяла в качестве ближайших внешнеполитических целей, «во-первых, предоставление Филиппинам надежной формы правления, во-вторых, достижение независимости, в-третьих, защиту от вмешательства извне...» [42].

Вместе с тем, сделав ставку на лозунги антиимпериалистов, Брайан серьезно просчитался, совершив, по признанию американских ученых, один из наиболее значительных «промахов» [16, с. 196]. Дело в том, что внешнеполитическая тематика после ратификации мирного договора с Испанией 6 февраля 1899 г. потеряла свою актуальность. Американцев волновало собственное материальное положение после тяжелейшего экономического кризиса, в который страна погрузилась в 1893–97 гг. Уловив изменения в настроениях избирателей, Брайан был вынужден в самый разгар избирательной кампании осуществить «акробатическую» переакцентировку программных требований, сделав ставку на традиционные лозунги экономического содержания (снижение тарифов, дешевые деньги и пр.). Однако времени на их популяризацию у него не было, а улучшение экономической конъюнктуры выбило почву из-под главных аргументов демократов. На выборах 1900 г. Брайан потерпел сокрушительное поражение, а его противник У. Маккинли получил перевес в 860 тыс. голосов избирателей [43].

Американские ученые часто задаются вопросом о том, пошла бы американская внешняя политика иным путем, если бы Брайану удалось переиграть Маккинли в ходе судьбоносных выборов [44]. Подобные прогнозы вряд ли продуктивны, тем более что «несравненный лидер» в целом приветствовал американскую экспансию, а расхождения с идеологическими противниками касались лишь методов ее достижения. Если группа так называемых «империалистов» (У. Маккинли, Т. Рузвельта, Г. К. Лоджа) соотносила национальный интерес с чисто утилитарным расчетом, то Брайан, опираясь на морализм при выборе путей переустройства мира, обосновывал необходимость «гуманитарной» экспансии для распространения идеалов свободы и республиканизма в западном полушарии. Исходя из подобных посылок, он ратовал за установление американских протекторатов на Гаити, Филиппинах, Кубе, Пуэрто-Рико и Доминиканской республике, а в перспективе мечтал и об американском господстве во всем мире.

Осмысление первого опыта экспансионизма вызвало у Брайана внутреннюю работу мысли. Он вплотную занялся поиском средств, способных стать надежной гарантией в деле упрочения международных позиций США. Как человек, склонный рассматривать вопросы бытия сквозь призму нравственных понятий о «добре» и «зле», он на свой лад переиначил суть мировой политики [45]. Вслед за Л. Н. Толстым он провозгласил, что «сила любви, а не сила оружия» лежит в основе мироздания, поэтому миром должны править «любовь, а не ненависть» [26, с. 137, 398, 512].

В преддверии Первой мировой войны Брайан, примкнув к движению пацифистов, стал активно выступать в поддержку всеобщего разоружения. Он считал, что все войны и вооруженные конфликты, независимо от степени их интенсивности и локализации, требуют скорейшего урегулирования, а в идеальном варианте – полного разрешения. «Не существует международных споров, которые можно решить только силой, – доказывал он. – Все они могут быть урегулированы мирным путем» [46]. В основанном в 1901 г. журнале под претенциозным названием «Человек из народа» («The Commoner») он стал популяризировать меры превентивной дипломатии для предотвращения опасных международных конфликтов [47]. С точки зрения Брайана, задача цивилизованного мира заключалась не столько в выработке нового и более совершенного инструментария по разрешению постоянно возникающих между странами кровавых распри, сколько в правильности их применения в зависимости от каждого конкретного случая. Он считал, что любые международные трения требуют от мирового сообщества коллективных и согласованных действий, направленных не только на детальное изучение причин, ведущих к неприязни и вражде, но и правильный выбор политико-правовых средств, способных в корне погасить имеющиеся разногласия между сторонами.

На рубеже XIX–XX вв. примеров урегулирования региональных конфликтов мирным путем было немного. Международное право тех лет было преимущественно правом войны, в соответствии с которым государства предпочитали решать спорные вопросы вооруженным путем. Главным для них являлось соблюдение «законов и обычаев войны», а их правовые последствия определялись фактическим исходом военных сражений. Провозглашенный в 1899 г. на Гаагской мирной конференции принцип мирного разрешения конфликтов, предусматривавший его применение только «в случае важного разногласия или столкновения, прежде чем прибегнуть к оружию»,

был слабо апробирован на практике. Пути примирения воюющих сторон не были разработаны из-за ограниченности накопленного на тот момент опыта в достижении компромисса [48–51].

В этих условиях выбор Брайана пал на заключение двусторонних пактов «примирения» посредством арбитража. В феврале 1905 г., в самый разгар русско-японской войны, Брайан объявил о возможности ее урегулирования посредством третейского разбирательства, действовавшего как орган международного правосудия, разбиравшего претензии одной страны к другой. «В личных отношениях друзья нередко считают необходимым отложить решение спорных проблем, пока различия в их подходах не будут хладнокровно и по заслугам выявлены. Точно так же обстоят дела и с государствами», – указывал он [26, с. 400] Мировое сообщество в его социал-дарвинистской интерпретации приобретало вид взаимодействующих национальных структур, деятельность которых подчинялась тем же нормам, что и поведение людей. В этом контексте любые региональные неурядицы следовало подвергать строгому разбирательству на заседаниях постоянно действующего международного трибунала, в состав которого конфликтующие стороны могут сами, по своему усмотрению избирать арбитров. Им рекомендовалось не спешить с выводами и принимать решение по существу вопроса только после окончания превентивного срока в один год. Ответственность за перестройку мировой политики возлагалась на американскую дипломатию, ей предстояло «вывести человечество из черной ночи на свет дня, когда на всей земле воцарится вечный мир, построенный на любви и братстве» [52].

Предложенный Брайаном план действий получил международную огласку: он был одобрен в 1906 г. на конференции межпарламентского союза в Лондоне, в 1908–1910 гг. – пацифистскими организациями Нью-Йорка и Эдинбурга. Что же касается ведущих европейских держав, от позиции которых, собственно, и зависела степень «гармонизации» международных отношений, то они всерьез не принимали претензии идеолога периферийной державы, указав на несоответствие его внешнеполитических замыслов расстановке сил на международной арене.

С годами Брайан, глядя на мир из своего североатлантического угла, все более терял чувство реальности. Он с нетерпением ждал воцарения идеалов «общечеловеческого братства», равнявшегося на сконструированные им высокие нравственно-этические идеалы. Заняв пост государственного секретаря в администрации президента В. Вильсона, он стал добиваться официального признания тщательно вынашиваемой им идеи о третейском суде, способном устранить опасность возникновения войн. В апреле 1913 г. проект «охлаждающего» арбитража был представлен на рассмотрение дипломатических представительств в Вашингтоне. Первыми его поспешили подписать ряд латиноамериканских государств (Сальвадор, Гватемала, Никарагуа, Панама и др.), надеясь таким образом оградить себя от американских притязаний. Впоследствии к ним, отдавая дань пацифистским настроениям в массах, присоединился еще ряд государств, среди которых были Англия, Франция, Испания, Италия, Швеция и Россия [53]. С легкой руки Брайана, за которым закрепилась слава «борца за права человека на международной арене», миротворчество утверждалось в качестве основополагающей правовой нормы.

Подписание мирных договоров с 30-ю странами было обставлено Брайаном специальной церемонией, в ходе которой он вручал представителю ка-

ждой страны никелевое пресс-папье в форме лемеха, в который вмонтирован меч. По его бокам были выгравированы слова библейского пророка Исайи «и перекуют мечи свои на орала и копыя свои на серпы», а сверху красовалось изречение самого политика «дипломатия есть искусство сохранять хладнокровие». По мнению ученых, разработка и внедрение на практике «охлаждающего арбитража» составляли главное достижение дипломатии Брайана [22, с. 196]. Другое дело, что, несмотря на создание некоего механизма третейского разбирательства, мир неминуемо катился в пропасть Первой мировой войны. Сам политик связывал ее причины с нежеланием ряда государств, прежде всего Германии и Австрии, подключаться к арбитражному процессу. С его точки зрения, годичный период, отведенный на разбирательство их территориальных претензий, мог вполне полностью охладить накал страстей и привести к столь желаемому всем человечеством миру [54]. Протестуя против отхода США от политики «строгого нейтралитета», он демонстративно вышел в отставку, сложив с себя обязанности государственного секретаря 8 июля 1915 г. [55].

В условиях четко обозначившегося военного противоборства в Европе Брайан стал инициатором англо-германского примирения при деятельном американском посредничестве, но его инициатива была отвергнута ведущими мировыми державами, отказавшимися признать за США роль «беспристрастного арбитра». Он безуспешно пытался организовать проведение национального референдума о вступлении США в войну на стороне Антанты в качестве «средства выявления воли народа». Неприемлемым для него стал и проект Лиги Наций из-за включения в ее Устав положения об использовании военно-силовых методов при решении конфликтных ситуаций. Вместе с тем сам факт создания Версальской системы, при формировании которой были учтены разработанные им международно-правовые аспекты арбитража, свидетельствовал о том, что возможность несилового решения спорных ситуаций между воюющими государствами была признана на самом высоком уровне.

Современная динамика международных отношений немыслима без возросшего стремления мирового сообщества к ненасильственному урегулированию противоречий, без вооруженных столкновений и кровопролития, а также разработки соответствующих подобным ожиданиям разнообразных способов миротворчества. Достойное место среди них отведено третейскому разбирательству, одним из первых примеров которого стал апробированный Брайаном накануне Первой мировой войны «охлаждающий арбитраж», целенаправленный на внедрение в сложную международную практику принципов обеспечения мира при посредничестве влиятельных международных организаций. Последующий опыт миротворчества убедительно доказывает, что внешнеполитическая деятельность Брайана, делавшая упор на эффективность превентивной дипломатии, внесла существенный вклад в разработку механизма мирного решения локальных, региональных и глобальных конфликтов. Не случайно его именем в знак заслуг перед отечеством и всем мировым сообществом названо графство в штате Оклахома, мемориальный госпиталь в г. Линкольн (Небраска) и колледж в г. Дэйтон (Теннесси).

Список литературы

1. American Imperialism in 1898. – Lexington, 1958. – P. 1.
2. **Дементьев, И. П.** Идеиная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX–XX вв.) / И. П. Дементьев. – М., 1973.

3. **Хохлышева, О. О.** Миропонимание, миротворчество, миросохранение: опыт XX столетия / О. О. Хохлышева. – Н. Новгород, 2002.
4. **Bryan, W. J.** Proceedings of the House of Representatives in Memory of W. J. Bryan / William Jennings Bryan. – W., 1926. – P. 1.
5. Outlook. – 1925. – 19 August. – P. 552.
6. Current History. – 1925. – September. – P. 860.
7. А. Оларовский – Э. Коцебу. – 16/26 сентября 1896 // АВПР. Ф.170. Оп.512/1. Д.95. Л.120.
8. Э. Коцебу – В. Ламздорфу. – 26 августа 1896 // АВПР. Ф.133. Оп.470. Д.173. Л.108.
9. **Белявская, И. А.** Буржуазный реформизм в США (1900–1914) / И. А. Белявская. – М., 1968.
10. США: политическая мысль и история. – М., 1976.
11. **Cherny, R.** William Jennings Bryan and the Historians / R. Cherny // Nebraska History. – 1996. – № 3–4. – P. 184–193.
12. **Hibben, P.** The Peerless Leader: William Jennings Bryan / P. Hibben. – N.Y., 1929. – P. 42.
13. **Werner, R. M.** Bryan / R. M. Werner. – N.Y., 1929.
14. **Curti, M.** Bryan and World Peace. Northampton (Mass.) / M. Curti // Smith College Studies in History. – 1931. – № 3–4. – P. 113.
15. **Morrison, S.** The Growth of American Republic / S. Morrison, H. Commager. – N.Y., 1937. – V. 2. – P. 265–326.
16. **Hofstadter, R.** The American Political Tradition and the Men who Made It / R. Hofstadter. – N.Y., 1948. – P. 205.
17. **Glad, P.** The Trumpet Soundeth: William Jennings Bryan and His Democracy. 1896–1912 / P. Glad. – Lincoln, 1960. – P. 1.
18. **Coletta, P.** William Jennings Bryan / P. Coletta. – Lincoln, 1964. – V. 3.
19. **Koenig, L. W.** Bryan: A Political Biography / L. W. Koenig. – N.Y., 1971.
20. **Commager, H.** The American Mind / H. Commager. – New Haven ; London, 1974.
21. **Levine, L.** Defender of the Faith. William Jennings Bryan, the Last Decade. 1915–1925 / L. Levine. – Cambridge (Mass.), 1987.
22. **Cherny, R.** A Righteous Cause: The Life of William Jennings Bryan / R. Cherny. – Norman, 1994.
23. **Murphy, T.** The «Great Commoner» / T. Murphy // America. The National Catholic Weekly. – 2006. – May 29. – Режим доступа: <http://www.americamagazine.org.etc>.
24. **Bryan W. J.** The First Battle A Story of the Campaign of 1896. – Chicago, 1896. – P. 410.
25. **Smith, W. H.** William Jennings Bryan and the Social Gospel / W. H. Smith // The Journal of American History. – 1966. – № 1. – June. – P. 41–60.
26. **Bryan, W. J.** The Prince of Peace / W. J. Bryan // William Jennings Bryan: Selections. Indianapolis. – N.Y., 1967. – P. 137.
27. **Bryan, W. J.** The Memoirs of William Jennings Bryan / W. J. Bryan, M. B. Bryan. – Chicago ; Philadelphia ; Toronto, 1925. – P. 501.
28. The Independent. – 1910. – 7 July. – P.23.
29. **Bryan, W. J.** The Acceptance Speech, 1900 // History of American Presidential Elections / W. J. Bryan. – N.Y. ; Toronto ; London, 1976. – V. 3. – P. 1955–1956.
30. **Clements, K.** William Jennings Bryan: Missionary Isolationist / K. Clements. – Knoxville, 1989. – P. XII.
31. **Bryan, W. J.** Jeffersonian Principles / W. J. Bryan // North American Review. – 1899. – June. – P. 670–676.
32. New York Times. – 1898. – 15 June.
33. Speech Delivered by W. J. Bryan in Accepting the Democratic Nomination for the Presidency. 1900. August 8. – Режим доступа: <http://www.thriceholy.net>.

34. **Bryan, W. J.** The Second Battle / W. J. Bryan. – Chicago, 1900. – P. 83.
35. The Outlook. – 1900. – 18 August. – P. 938.
36. The Arena. – 1898. – 7 April. – P. 438.
37. **Pettigrew, R.** The Imperial Washington / R. Pettigrew. – Chicago, 1922. – P. 270.
38. **Carnegie, A.** The Autobiography / A. Carnegie. – Boston, 1920. – P. 352.
39. Harper's Weekly. – 1900. – 18 July. – 11 August.
40. **Littlefield, H.** The Wizard of Oz: Parable on Populism. 2009. October / H. Littlefield. – Режим доступа: <http://thebluegrassspecial.com/archive>.
41. **Colletta, P.** Imperialism and the Treaty of Paris / P. Colletta // William Jennings Bryan. A Profile. – N.Y., 1969. – P. 74–75.
42. National Party Platforms. 1840–1972. – Chicago ; London, 1978. – P. 113.
43. Congressional Quarterly Guide to US Elections. – Wash., 1976. – P. 281.
44. **Bailey, T.** Was the Presidential Election of 1900 a Mandate on Imperialism? / T. Bailey // Mississippi Valley Historical Review. – 1937. – June. – P. 43.
45. The Outlook. – 1925. – 12 August. – P. 481.
46. **Bryan, W. J.** A Single Standard of Morality / W. J. Bryan // William Jennings Bryan: Selections. Indianapolis. – N.Y., Kansas City, 1967. – P. 512.
47. **Bryan, W. J.** The Commoner Condensed / W. J. Bryan. – N.Y., 2007.
48. **Ладыженский, А. М.** Мирные средства разрешения споров между государствами / А. М. Ладыженский, И. П. Блищенко. – М., 1962.
49. **Левин, Д. Б.** История международного права / Д. Б. Левин. – М., 1998.
50. **Пушмин, Э. А.** Мирное разрешение международных конфликтов (международно-правовые вопросы) / Э. А. Пушмин. – М., 1974.
51. **Рыбаченок, И. С.** Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге / И. С. Рыбаченок. – М., 2005. – С. 7, 175.
52. International Conciliation. The Proposal for a League to Enforce Peace. – N.Y., 1916. – September. – P. 31.
53. История внешней политики и дипломатии США. 1867–1918. – М., 1997. – С. 247.
54. **Bryan, W. J.** World Peace: A Written Debate Between William Howard Taft and William Jennings Bryan / W. J. Bryan, W. H. Taft. – N.Y., 1972. – P. 64–65.
55. New York Times Current History. – 1915. – July. – V. 2. – № 4. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org>.

Байбакова Лариса Вилоровна

доктор исторических наук, профессор,
кафедра новой и новейшей истории,
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

E-mail: lbaibakova@yandex.ru

Baybakova Larisa Vilorovna

Doctor of historical sciences, professor,
sub-department of modern history,
Moscow State University
named after M. V. Lomonosov

УДК 94(4/9)

Байбакова, Л. В.

Эволюция внешнеполитической доктрины У. Дж. Брайана: от силового реализма к мирному урегулированию международных конфликтов / Л. В. Байбакова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 4 (12). – С. 12–22.